

НЕВЕЗУЧАЯ СТЕЛЛА АЛЕКСАНДРОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Стелла Александрова
Невезучая

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Александрова С.

Невезучая / С. Александрова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Ольга росла самостоятельной девушкой. Добивалась всего сама и мечтала о любимом мужчине. Только не думала, что любить необходимо, живя под надзором, в золотой клетке. С этим она никак не могла смириться. А любимый мужчина не мог мириться с самостоятельностью будущей жены. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Стелла Александрова

Невезучая

Глава 1

Мне всегда не везло. Началось это с того, что я никогда не видела свою маму. Она умерла при родах. Воспитывал меня отец. Он так и не решился жениться после ее смерти, но был мне хорошим отцом, так что я не страдала от отсутствия мамы.

Поняла я, что у меня ее нет, только в трехлетнем возрасте. В детский сад на праздник Восьмое Марта были приглашены мамы. Каждый ребенок, кроме меня, сидел за столиком со своей мамой. Она пила вместе с ним чай, ела пирожное. Все, кроме меня, сидели с женщинами! Вот тогда я поняла, как в моей жизни не хватает мамы. Я громко закричала: «Хочу маму! Где моя мама?» Потом последовало рыдание, а я сразу повзрослела. С этого возраста я начала отсчет своим неудачам, завела мысленно свою тайную черную книгу.

В детстве, юности, этих неудач было, как беспризорных собак в нашем военном городке. Так что я не буду отдельно останавливаться на каждом случае, а только перечислю их: разбитые коленки, швы и вздохи сожаления; удаленный аппендицит на грани между жизнью и смертью; неожиданная двойка, после пятерок; синяк на лице соседа по парте, за то, что дразнил меня. И куча таких мелочей, портивших жизнь моему отцу, за что он меня всего лишь журил, а мне было потом очень стыдно. Еще я беспрестанно искала себе маму, в каждой подруге отца. Лишь после двенадцати лет, подслушав нечаянно разговор отца и его очередной пассии, я поняла, что до меня этим женщинам нет никакого дела, им был нужен мой отец, а для меня была бы прямая дорога в интернат после их обручения.

Когда мне исполнилось 18 лет, я уехала в Москву, чтобы больше не только своим поведением, а и своим видом, не огорчать отца. То, что я творила в столице, это знаю только я. Огорчений для отца стало меньше, потому что он не знал, чем я там занимаюсь, но в черную книгу меньше не стало попадать моих неудач.

Второй крупной неудачей в своей жизни, я посчитала провал на конкурсе – отборе. К концу обучения на курсах делопроизводителей, к нам пришли работодатели из иностранных фирм. Из-за незнания языков, ваш покорный слуга соответственно отбор не прошел. Пришлось устроиться в строительную фирму. Каждый божий день я ходила на строительную площадку, и в зависимости от сезона глотала пыль, месила грязь, разбивала каблуки на бездорожье. Но мечта работать в иностранной фирме, заставила меня заняться изучением иностранных языков. Я учила немецкий, английский, французский, итальянский. Последний язык стала учить для успокоения своего «эго», доказывая сама себе, что я все могу. Пять лет ушло на то, чтобы уметь бегло говорить на них и писать.

Кажется, я уже стала только приближаться к своей мечте, работе в иностранной фирме, а не в строительной, где кроме знания русского языка и мата, другой не требовался, как заболел отец. Мой загранпаспорт, полугодовая виза в Италию, где первую очередь мне хотелось посетить Венецию, теперь не имели никакого значения. Соседка отца прислала мне телеграмму с пометкой срочно, где черным по белому, точнее желтому (бланк был такого цвета), было написано, что у отца обнаружена язва желудка.

Эту новость и свои чувства, я внесла тут же в свою черную книгу, чем увеличила его содержимое на два пункта. Первое, что отец болен, а второе, что он ни словом, своей дочери, то есть мне, за это время не обмолвился о своем плохом здоровье. Я посчитала себя бездушной дочерью, эгоисткой, думающей только о себе, чем пополнила еще на один пункт свою книжку, и стала собирать чемодан для поездки к отцу.

В первый день сборов, очень много размышляла и пришла к выводу, что кроме отца у меня никого нет, а это значит и у него также. Поэтому решила, собирать не только чемодан, но и себя полностью. Для чего я уволилась с работы, набила баррахлом четыре ящика багажа, чтобы отправить их поездом в город к отцу.

Я прожила в Москве семь лет, но, уезжая, оставляла этот город без сожаления. Увы, мое сердце никто из мужчин не затронул, а значит, разбитым я его не считала. Таких наивных дуручек, как я, каждый год приезжает в столицу не меряно, потому и принцев на всех не хватает.

Подруг я тоже не приобрела, потому что это слово происходило от слова друг. Претендентов на это место было много, но все они проваливались на первых этапах конкурса – отбора. Между прочим, он был жесточайший. Я искала себе подружку, чтобы могла на нее полностью положиться. Но, увы, мне попадались только такие, которые были готовы высосать из меня все, в чем они нуждались. Я понимала, что мои нужды больше, чем их, и обрывала с ними всякую связь. Внутреннюю, внешнюю. Так что поплакаться в жилетку о последних приобретенных неудачах было некому, поэтому, сетуя про себя, а иногда вслух, я собралась ехать к отцу с семилетним самостоятельно приобретенным жизненным багажом.

Самостоятельные годы меня закалили. Я старалась огорчения принимать без разочарований. Главное жива, здорова, а неудачи можно и пережить, потому что на моем пути они не последние. А невезение я считала своим роком, от которого невозможно никуда деться, поэтому не стоит перегружать сердце глубокими переживаниями. Но болезнь отца, меня достала, так как кроме него, у меня – то из родни никого не было. А сиротой, почти каковой, я считалась с детства, быть не очень приятно.

Перед отходом поезда с вокзала, я позвонила отцу. Он был дома, и вкратце рассказал историю своей болезни и спасения. При очередном приступе он потерял сознание. Соседка, зашедшая занести газету, взятую оказией с почты, нашла его в этом состоянии и вызвала скорую.

– А сейчас я чувствую себя прекрасно, так что можешь и не приезжать, – сказал мне на прощание отец.

«Вот оно что, значит, я ему не нужна».

Я остановилась в раздумье возле поезда, стоит ли заносить такое отношение отца ко мне в черный список. Но тут дернулся состав моего поезда, и я не додумав, не успев капнуть слезинкой на перрон, понеслась к своему вагону.

Белорецк встретил меня сыростью и промозглым ветром. Здесь на Урале осень уже вступила в свои полные права, в то время когда в Москве еще можно было понежиться на солнышке, и я выехала в шелковом пиджачке. Натянув сверху плащик, который тоже был на рыбьем меху, я забралась в городской автобус, но пока добиралась до дома, заморосил неожиданно дождь. Вообще это громко сказано, дожди осенью никогда не были неожиданными здесь, они просто лили, не переставая. В итоге, пока я добиралась от автобусной остановки до дома, таща чемодан и несколько пакетов под непрекращающимся дождем с ветром, на крыльце я оказалась замерзшей, промокшей, продрогшей, так что мечтала только о двух вещах: горячем чае и теплом одеяле.

Вошла я тихо. Отец сидел в своем любимом кресле, уткнувшись в телевизор. Сколько я помню себя, столько я помню это кресло, которое при переездах в первую очередь погружалось в контейнер, потому что его приобрела мама. Скрип половицы выдал меня, и отец резко обернулся.

– Ольга! – увидев меня, воскликнул он. – Ты что меня до инфаркта хочешь довести, напугав? Мало тебе моей язвы? – и схватился за сердце. – Еще одна такая выходка, и можешь снова вызывать «скорую».

– Здравствуй, папа. Ты мне не рад? – подходя к нему, спросила я его и, обняв, поцеловала в жесткую щеку.

– Еще как, рад, девочка. Да только сейчас стал такой развалиной, что и радость мне даже противопоказана. Почему не сказала, что приезжаешь?

– Хотела сделать сюрприз.

– С плачевным исходом? – смеясь, поцеловал отец мои осунувшиеся щеки за два дня тряски в поезде. – Все путешествуешь?

– Да, как сказать? – протянула я, примостившись на подлокотнике его кресла.

– А ты скажи, что первым тебе пришло в голову после моего вопроса, – усмехнулся отец.

– Может, в начале поедим, выпьем горячего чаю? А почему я должна первой рассказывать? Это, кажется, меня вызвали, чтобы рассказать, что ты здесь натворил.

– Ты, как была себе на уме, такой и осталась, – рассмеялся отец. – До сих пор увливаешь от вопросов. Что ж, начнем с чая.

Пока отец заваривал чай, разогревал ужин, я сменила дорожную одежду на домашний халат, на ноги натянула шерстяные носки отца, так что их немного надо было придерживать, чтобы не потерять по дороге. На кухне я забралась с ногами на стул, приложила озябшие ладони к чашке с горячим чаем и с облегчением вздохнула. Я смотрела на суетящегося отца с любовью. Этот человек мог бескорыстно помогать мне, не требуя ничего взамен. И я сказала, что правильно сделала, приехав и переехав к отцу. Вместе нам будет легче перенести невзгоды и разделять радости. А проверку на друга с отцом уж точно не надо проводить, он меня никогда и ни за что не подведет.

– Судя по выражению твоего лица, ты отсекаешь какую-то часть твоего жизненного пути. Я прав? – прищурился, спрашивая, меня отец.

– Да, ты прав, папа. Я решила уехать из Москвы. Скоро мои сундуки придут багажом, так что от меня ты не отделаешься.

– Не пожалеешь? Ведь наш город по сравнению с Москвой деревня. Конечно, ты со своей профессией делопроизводителя, сможешь найти работу. Но знания иностранных языков здесь не больно-то требуются. А это значит, ты постепенно потеряешь квалификацию переводчика.

– Ну, что ж, будем работать днем, а вечером заниматься языками, то бишь репетиторством. – – Согласен? – спросила я, заглывая с голоду большой кусок хлеба.

Отец с умилением посмотрел на меня, тщательно прожевывающую пищу, улыбнулся ласково.

– Мудрое решение.

Напившись, наевшись, а, также обсудив с отцом погоду, здоровье, соседей, мы перебрались с кухни в зал. Он устроился в кресле, я разомлевшая от тепла и еды, свалилась на диван. Под включенный телевизор я задремала и забылась легким сном. Проснулась от стука. Отца в комнате не было.

– Пап, пап, – позвала я его.

– Разбудили, все же, – разочарованно вздохнул он, войдя в комнату. – Соседи приходили, справиться о моем здоровье.

– А, – протянула я, и опять уткнулась в подушку.

До постели я в этот вечер не дошла, так и проспала всю ночь на диване, любовно укрытая отцовским пледом.

Завтракать мы с отцом сели только часов в десять, отсыпалась я после поезда так, как будто сдавала на пожарного. За окном на удивление светило солнце.

– Три дня моросил нудный дождь, наконец-то закончился, – довольным голосом произнес отец. Не прогуляться в такую погоду было бы большим грехом, и мы с папой решили выбраться в свет. В этом городе я прожила всего лишь год, поэтому, взяв на себя роль гида, отец рассказал, какие изменения произошли здесь или там за семь лет. Скорость нашей прогулки не превышала скорости черепахи, и потому я могла, слушая и разглядывая город, заодно подумать о своей дальнейшей судьбе. Сведения, которые отец выкладывал с точностью воен-

ного, без прикрас, не мешали мне углубляться в собственные личные дебри. По словам папы, в городе была ужасная безработица, а кто работал, тот получал гроши или и тех не видел.

«Н-да, – усмехнулась я про себя, – не успела взлететь с розовыми мечтами, как уже опустились на землю».

– А ты, куда думаешь податься? Какие намерения по поводу работы? Может, отдохнуть желаешь, отпуск устроить?

– Если есть вариант работы, хоть сию минуту займусь делом.

– Ну, что ж, – усмехнулся отец, – сама напросилась. Помнишь, вчера соседи приходили?

– Ну, – протянула я безразлично.

– Так вот, наш сосед по меркам нашего города солидный новый русский. Хотя, его фирма лишь филиал, но для нас и этого достаточно. Он занимается металлом, сотрудничают, аж с границей. Так вот, к чему я веду этот разговор. Ему срочно нужна секретарь-референт, со знанием английского и немецкого.

– Где же они потеряли прежнюю, с такой крутого места работы, – едко усмехнувшись, произнесла я. – Не выдержала темпа работы? Теперь ищут еще одну бедняжку?

– Увы, не угадала, – засмеялся отец. – Она со своим женихом укатила на месяц за границу. До последнего дня она искала себе замену, но так и не нашла. Кроме языка, надо знать компьютер. Ну, и как бывает, одни знают один язык, другие – другой или только компьютер. Все иметь сразу ни у кого не сподобилось.

– А ты что уже замолвил за меня словечко?

– Да, пока ты дрыхла, без задних ног. Но точный ответ ты дашь сама.

– А ты справишься один дома, со своей болезнью?

– Отчего же нет? – быстро ответил отец вопросом на вопрос.

– Тогда пойду работать, – я вздохнула, – в эту для нашего города крутую фирму.

Еще раз, вздохнув с сожалением, я пополнила на один пункт свою черную книгу. Видимо, точно, отец во мне не нуждается. Промелькнувшее разочарование на своем лице, я попыталась тут же скрыть.

Следующее утро началось, как все мои дни в Москве, с раннего подъема. Дом наш находился в старом районе города, до места работы мне пришлось идти пешком и потратить более получаса. Но, если бы ждала автобус, то наверно к обеду только добралась. Как мне пояснил отец, этот вид городского транспорта ходил нерегулярно, из-за напряженки с топливом. Он мне еще что-то объяснял, почему так, но дослушивать его было некогда, и я полвосьмого вылетела из дома.

Сосед, мой будущий работодатель, Петр Григорьевич встретил меня с широкой радостной улыбкой. Улыбка так, скрасила его морщинистое худое лицо, что он сразу потерял свои двадцать лет из шестидесяти.

– Олечка, здравствуйте, – сказал он проникновенным голосом. Выйдя из-за стола, он направился ко мне, и, взяв обе мои руки в свои, мягко пожал. Посмотрев пристально в мои глаза, подтолкнул меня кожаному креслу, усадил в него, и еще проникновеннее проговорил, – я так рад, что Вы согласились. Два дня я ужасно страдаю.

Видимо, им срочно требовался секретарь – референт, не то я не слышала бы таких словоизлияний. А он тем временем изобразил, что он переносит, на сей момент, адскую муку, и я не выдержав, рассмеялась. Ему бы на подмостках выступать, а он тут талант в землю зарывает. Ой, извините, в металл.

– По Вашему виду, и словам, можно сделать заключение, что Вам не отвечают взаимно на любовь, – добавила я, прикидываясь дурочкой, что не поняла, в чем его проблемы.

Но как же я плохо знала Петра Григорьевича, он, не меня мимики, на своем лице, подхватил мой шуточный тон.

– Оленька, только Ваша любовь, – он сделал паузу, – к компьютеру и языкам спасет меня.

Я, услышав слово «любовь», состроила было гримаску. Мое первое и мгновенное предположение было, что эта старая коряга, просто-напросто ловелас: седина в бороду, бес в ребро, но, дослушав его, рассмеялась.

– Хорошо, Петр Григорьевич, я спасу Ваше бедное сердце. Не то, тоже заработаете, от нервного напряжения язву, как мой отец.

В голове мелькнуло, а не из-за меня ли отец заработал язву? Но Петр Григорьевич, «ковал железо, пока горячо», как говаривал один советский подпольный мультимиллионер. Он в прямом смысле, вытащил меня из кресла.

– Пойдемте. Я покажу Вам Ваше рабочее место и фронт работы.

В курс дела я вошла быстро. На первый момент требовался перевод писем из-за границы. Язык в них был местами технический, но мне привезли для этого специальный словарь, так что перевод не занял много времени. Счастливый Петр Григорьевич покинул меня, забрав перевод писем, и чмокнув меня в щеку. Работа не представляла для меня ничего нового, и потому к концу рабочего дня, я не чувствовала усталости, но мой шеф любезно предложил мне вернуться домой в его машине. Отказываться не было смысла, так как мы жили рядом, и я с радостью согласилась. Но больше я с ним не шутила, он мой босс, этим было все сказано.

За ужином я решила расспросить отца про босса или соседа, это как уж приятнее ему на слух. Мы с отцом переехали сюда, когда он вышел в отставку. Он сразу же устроился работать вахтером на завод и когда я уезжала в Москву, он еще работал, но в связи с тяжелой экономической ситуацией в городе и в стране пошли сокращения, и он оказался не у дел. Уже год, как он жил на одну пенсию, но по нему было видно, что ему, привыкшему строго распределять бюджет, пенсии хватало.

– С Петром мы подружились, когда ты уехала в Москву. Он из потомственных металлургов.

– Да, ну, – заинтересовано протянула я, – а по его телосложению не скажешь, что он стоял у мартена.

– Не ерничай, – одернул меня отец. – Не смотри, что он худ, как твой старый велосипед, зато жилист. Его предки занимались металлом еще при Демидове, который и основал этот завод. В годы перестройки, его сын, работавший вместе с ним, тут же перестроился. Он понял, что, продавая чужой труд, можно заработать больше денег. Тонкости начала его деятельности я не знаю, потому что, когда мы переехали сюда, сын Петра и Анастасии правил балом уже в Москве.

– Как жаль, что я не встретила с ним там и не познакомилась, – вздохнула я, изображая притворное сожаление, – если он похож на папочку, то моя мечта сбылась бы.

– Тебя при рождении не Ольгой надо было назвать, а ехидной, – заметив театральность моего вздоха, сказал, улыбаясь, отец. – Ладно, слушай дальше, о твоём характере потом поговорим. Все, что я сейчас расскажу, это слова Анастасии. Она рада, что под старость, может себя чувствовать белым человеком, она бесконечно благодарна ему и без ума от него. Петр-то в начале не хотел руководить этой фирмой, стеснялся, говорил, что его теперь барыгой будут называть. Короче, стереотипное мышление старой гвардии, – усмехнулся отец. – Но сын его переубедил, попросил немного поработать, а там видно будет. Но самым веским аргументом было: «кому же мне доверится, как не отцу». Вот и пашет теперь Петр. Так что ты своим характером, старайся не обижать его.

– Ну, ты пап, и сказал! – воскликнула я в недоумении, глядя на него. Даже перестала жевать. – Как это подчиненный может обидеть шефа?

– Понимаешь, он сам был в этой шкуре, и знает, как это чувствовать себя, когда тебя ругает начальство. Он с персоналом вежлив до одурения, это мне его жена говорила. Но, сын, полная противоположность отца, без мыла хоть куда залезет, и морду может набить, не моргнув глазом.

– Так, – протянула я, – значит, мне нужно остерегаться сыночка, а не прямого моего начальства. Но сына, кажется, бояться нечего. Он в Москве, за этот месяц, я надеюсь, у него здесь не возникнут интересы или неотложные проблемы, и мы не встретимся. И как хорошо, что я не встретила с ним в Москве, не то, вместо приятного знакомства получила бы по морде от этого грубияна. А он, что из этих новых русских получается? С толстой – претолстой цепью на шее и крестом, который через каждые два слова, говорит в натуре и трясет пальцами?

Последние мои слова отец, не дослушал и зашелся в смехе, подавившись едой. Когда он откашлялся, в начале вытер слезы, только потом заговорил:

– Да, так ведут себя, только «быки», это тоже подвид типа новых русских. А этот одевается так, что даст фору любому иностранцу – бизнесмену. Речь у него настолько правильная, что, кажется, он филологический закончил.

– Знаешь, пап, каким бы он ни был, лучше мне с ним не встречаться. Надо от таких всегда подальше держаться. Видела я таких в Москве, холодный презрительный взгляд. Поведение такое, что будто они пупы земли. Он, что часто здесь бывает?

– Когда как. Но в две недели обязательно, за отцом присматривает, чтобы не обижали.

– Ладно, один его визит, если не будет докапываться, я переживу, а там уже и уходить придется, – с оптимизмом подвела я черту под нашим разговором.

Работа и шеф мне нравились, и слова отца подтвердились впервые же дни. Петр Григорьевич за мои упущения не то, что не придирался, он даже не делал замечаний. Он так вежливо и тактично попросил меня исправить мои ошибки, что мне стало стыдно. И мне оставалось, больше не совершать их, чтобы не краснеть перед Петром Григорьевичем. Более благожелательного шефа я не желала, и потому к концу моей второй недели работы на него, мы понимали друг друга с полуслова. За это время я успела подружиться и с Анастасией Юрьевной. Несколько раз мы вчетвером встречались по вечерам, чтобы попить чай, обговорить последние новости, сыграть в лото. Первое наше знакомство с Анастасией Юрьевной мне запомнилось надолго. Она целый вечер следила взглядом за мной. Я не выдержала, и сама пристально заглянула в ее глаза. Но и смутилась отменно, не в моем характере так вести себя. Анастасия Юрьевна благосклонно улыбнулась мне. Я успокоилась, поразмыслив, что, скорее всего она присматривалась ко мне, есть ли с моей стороны ей опасность остаться без мужа.

С шефом после этого у нас установились доверительные отношения, но без всякой фамильярности. Иногда он подвозил меня на работу или на обед домой. Но всегда старался после работы отвезти домой, за что я была ему бесконечно благодарна. И так, казалось, что я нашла себе работу, о которой только можно мечтать.

Но рано я радовалась, что нашла такую приятную работу с приятным шефом. В один прекрасный день, хотя по погоде он не был прекрасен, но я была в приподнятом настроении, из-за того, что так удачно сложилось у меня с работой, все пошло на перекосяк.

В этот день я пришла на работу, как обычно, к восьми часам утра. Сняв верхнюю одежду, и переобувшись из отсыревших ботинок, на улице шел мерзкий морозящий мелкий дождь, в туфли, я уселась за стол, включила компьютер. Вытащив из сумочки косметичку, я решила взглянуть в зеркальце, и оценить ущерб, нанесенный моему макияжу, дождем и холодным ветром. Так и есть, один глаз поплыл сильно, черный круг от туши вокруг него делал мое лицо пострадавшим от кулака. Другой не мешало бы немного подвести. Попутно с загрузкой компьютера, я решила подправить стрелки глаз и нанести немного туши на ресницы. Из-за двери кабинета Петра Григорьевича доносились оживленные голоса. Собеседником шефа, судя по густому и поставленному голосу, был мужчина. Но мне это было не в новинку, часто было так, что до моего прихода на работу, шеф был у себя и занят.

Я успела подвести один глаз и приступить ко второму, когда дверь шефа распахнулась. Отрывая взгляд от зеркала, я смущенно улыбнулась и подняла голову, собираясь извиниться за свой вид, и тут же вскочить по первому его пожеланию. Но улыбаться мне долго не пришлось.

На пороге кабинета стоял высокий красавчик шатен. В изумлении я раскрыла рот. Ладно сидевший на нем дорогой костюм, наводил на мысль, будто он в нем и родился, и от кого производителя он был, точно не могу сказать, так как не смотрела лейбл, но он был в нем ослепителен. Это был мужчина моей мечты. Я видела много мужчин – бизнесменов в Москве, но ни один из них не затронул моего сердца. А на этого взглянула и поняла, что я пропала. При том покрупному. Видимо, мое восхищение явно отразилось на моем лице, потому что мой взгляд выхватил его губы, нижняя была чуть полновата верхней, но они так брезгливо кривились, что мой рот расплывшийся в идиотской обожающей улыбке, приподнимая уголки губ, принял тут же прямо противоположное направление.

– Чем это Вы тут занимаетесь, дорогая?

Слова были настолько вежливы и красивы, насколько был презрителен тон обращения ко мне. Он приподнял руку, посмотрел на свое запястье, на котором красовались золотые часы, скорее всего «Ролекс», потому что я впервые видела такую марку часов. Золотистый цвет браслета и часов отлично сочетался с его галстуком, на котором рисунок был вышит золотыми нитями. Я поняла, что выставила себя полной дурочкой, пристально разглядывая черный сверхмодный переливающийся костюм в мелкую белую полосочку. Растаяла в полном смысле слова от его мужественной красоты. Его нос был чуть крупноват в крыльях, но общее впечатление с пронизывающими миндалевидной формы серыми глазами, приятно очерченными губами, было очень даже ничего. Он напомнил мне актера Вельяминова, играющего председателя в фильме «Вечный зов», и который безумно в детстве нравился. Теперь осталось мне только собрать крохи своей гордости, и показать, что я не западаю на красивых и богатых мужчин.

Я уже собралась открыть рот и сказать: «А Вам какое дело?», как заметила за спиной этого любопытного «Варвары» своего шефа. Петр Григорьевич настолько был щуплым по сравнению с этим мистером, потому-то я и не увидела его в начале.

Он выступил вперед и поздоровался со мной.

– Оленька, ты как всегда вовремя, – улыбнувшись, заметил он, – вот познакомься с моим сыном, а также с вышестоящим начальством. Прошу любить и жаловать Олег Петрович. Олег, – он посмотрел на сына, – это мой секретарь Ольга, временно замещающая Инессу.

Призвав в помощь свою гордость, я холодно сквозь зубы выдавила:

– «Здрасьте».

Во время представления меня Петром Григорьевичем, я в начале застывшая от наглости или хамства моего вышестоящего, как теперь поняла начальства, а потом от удивления, сидела с тушью в руках. Отложив его, я приподнялась, и наклонила голову.

– Будут какие-нибудь распоряжения, Петр Григорьевич? – игнорируя его сыночка, спросила я у шефа.

– Нет, Оленька. Пока ничего нового, занимайся текучкой, – сказал он и направился к выходу.

Я опустила взгляд на монитор и услышала снисходительный голос главного начальника:

– Зато у меня есть. В следующий раз попрошу Вас макияж наводить дома, а не в рабочее время.

У меня от такого замечания, высказанного в презрительно ленивом тоне, перехватило дыхание. Я вскинула голову, он, что же не видит, что на улице идет дождь?

– В следующий раз, – еле сдерживая в себе бешенство, в которое он меня ввел, четко произнесла я, как на плацу сержант, говорит зеленым солдатам, – чтобы сохранить мой презентабельный вид, не считите за труд, подвезите меня до работы.

На последних словах я сделала ударение. Сарказм и яд так и сыпались с моих едко усмехающихся губ. В душе я вздохнула с облегчением и с радостью, что теперь он поймет, после моих слов высказанных таким тоном, что я не попала под его обаяние.

После этого несколько секунд мы мерили друг друга холодными и презрительными взглядами. О! Я хорошо поняла, что говорили мне его серые глаза, как можно мокрой курице, это я себя имела в виду, так разговаривать с таким божеством, как он. Но мои зеленые глаза, сказали ему: «Чихала я на тебя и твою работу. Могу уволиться в сию минуту, все равно работа временная». Я думала он взорвется от бешенства, до которого довела, но я его недооценила, он молча, круто развернулся и вышел из офиса. Мой взгляд выхватил, кислую мину на лице Петра Григорьевича и его глаза, смотревшие на меня с укоризной: «Что с тобой, деточка?»

После их ухода я рухнула в кресло и выдохнула:

– Фу.

Гнев кипел во мне так круто, что мне показалось, будто из моих ушей уже повалил пар.

«Каков наглец! Каков нахал! Если он такой умный, почему бы, ему не сделать один логический вывод, что от дождя все мокнет и расплзается. Тьфу, ты! А, вообще, этот нарцисс видит и слышит, кроме себя еще кого-нибудь? Да, какая разница между отцом и сыном. Этому красавчику на подиум только идти, чтобы, дефилируя по нему, демонстрировать себя, – не удержав своих эмоций, я фыркнула вслух. – Вот повезло, так повезло, знакомство с начальством начать с пререканий. А ведь я, так себя никогда не вела, – я вздохнула и добавила, – нагло. И что на меня нашло? Неприязнь с первой минуты общения. А сколько он здесь еще пробудет? Так и взорваться можно, если реагировать так нервно».

Настроение у меня было в конец испорчено. Чтобы я ни делала, чем бы ни занималась, у меня из головы не выходил этот надутый индюк, вспоминая его, я мысленно в его адрес посылала нелестные эпитеты. Но в один из таких моментов, я рассмеялась вслух: «У бедняжки, наверно уши горят. Но так ему и надо, пусть не обижает беззащитных девушек. Думает, приехал из Москвы, так все тут перед ним расстилаться будут? Я сама оттуда, так что всеобщего поклонения ждать? А Петр Григорьевич, туда же, мог бы в мою защиту пару слов сказать. А, вообще, чего я так много о нем размышляю? Не много ли чести?»

Сказав так, я успокоилась, и ушла головой в работу. Обед уже был на носу, так что дела запланированные, из-за спеси некоторых (не будем показывать пальцем), невозможно было отложить.

В час раздался сигнал автомобиля, это Петр Григорьевич, дал мне понять, что ждет меня подвезти до дому на обед. В считанные секунды, я выключила компьютер, прихватила плащ и обувь в руки, не теряя времени на переобувание, и закинув сумочку на плечо, понеслась к машине.

– Ой, спасибо, Петр Григорьевич, – воскликнула я, запрыгивая на заднее сиденье. Я с благодарностью, подняла взгляд от ручки дверцы, которую захлопнула, на шефа и столкнулась с холодным взглядом своего утреннего оппонента, про которого усиленно, старалась забыть.

Он усмехнулся, и, устремив свой взгляд вперед, завел двигатель. А Петром Григорьевичем, моим непосредственным начальством, в машине и не пахло. Как только, я обнаружила это, первым моим действием было выйти из машины, что я и попыталась сделать. Но быстро нажать на ручку дверцы мне помешали, сумка, сползшая с плеча, и обувь в моей руке. Добравшись до ручки, я стала упорно на нее нажимать, но дверца почему-то не открывалась.

– Ручку сломаете, – донесся до меня ленивый бархатный голос. – Дверцы автоматически заблокированы.

– Откройте, – процедила я сквозь зубы, – или я разобью стекло.

– Бейте, – равнодушно сказал, мой похититель, и вывел со стоянки автомобиль, – Вам же и придется платить.

Метод терминатора, конечно, был мне не по карману. В этой машине, я разве только за ручку одну могла оплатить из своего кармана, поэтому я затихла снаружи, но, кипя внутри, злясь, процедила:

– Что Вам от меня нужно?

Олег Григорьевич взглянул в зеркало заднего обзора, чтобы посмотреть на меня. Видок, я думаю, у меня был еще тот. Вся запыхавшаяся и растрепанная в битве с дверцей, и поминутно, нервно поправляющая, соскальзывающий с плеча ремешок сумочки.

– Поговорим о моем отце, – жестко заявил он.

– И надолго ваш разговор затянется? Меня дома ждет на обед отец.

– Две минуты.

Он замолчал, ну, а я, ни за что не стала бы первая затевать разговор, разве, что силой меня заставили бы. Так что я ждала, и думала, что же он мне хочет сказать о своем отце.

– Вы знаете, что мой отец женат? – тон, каким был задан этот вопрос, меня удивил, в нем была агрессия.

– Ну, да. Я и маму Вашу, Анастасию Юрьевну прекрасно знаю, – стараясь не обращать на его провокационный тон, спокойно ответила я.

– Значит, прекрасно, – протянул с ехидцей в голосе он.

– Так, мы же соседи, почему бы и нет? – недоумеваю, что за допрос устроил он мне, спросила я.

– Вы яркая лицемерка, – жестко бросил он.

От такого комплимента, я в удивлении разинула рот. Придя в себя, я разозлилась, и мой мозг стал усиленно думать, как ему в ответ съязвить понаглее и нахальнее. Но ничего на ум ни шло, а он тем временем продолжал издеваться надо мной.

– Вы подбираетесь к моему отцу мелкими шашками. Бесконечная, наивная улыбочка! Смущенные красивые зеленые глазки!

«Вот, гад! Где он нашел у меня красивые глаза? За двадцать пять лет своей жизни, сколько раз смотрелась в зеркало, ни разу в своем отражении не видела никакой красоты», – подумала я, а этот нахал, продолжал обливать меня грязью дальше.

– А отец, мой. Как о Вас высказывается. Так что? Дальше осталось ждать только адюльтера? Богатства захотелось?

Я сидела словно пришибленная, ничего не говоря ему в ответ, как будто меня ударили пыльным мешком из-за угла, а он произносил дальше свою обличительную речь, как обвинитель на суде.

– Сынок, ты едешь домой, подвези, пожалуйста, и Оленьку, – тощим голосом изобразил он своего отца. – Ну, я подвезу, – зарычал он дальше, – я так подвезу его дорогую Оленьку, – здесь в его голосе уже проскользнули нотки бешенства, что мне даже стало страшно, – что ее сам дьявол не отыщет.

На мое счастье, мои глаза посмотрели в окно, и я увидела, что мы подъезжаем к моему дому.

– Остановите машину! – закричала я.

Неожиданно он резко затормозил и я, ударившись головой о переднее сиденье «Мерседеса», тихо сползла на пол, и впала в протрацию.

– Приехали, – услышала я его далекий голос, будто у меня в ушах была вата. – Была бы у меня возможность, Вы уже с обеда у нас не работали.

От удара головой мне стало так плохо, что меня даже затошнило. В душе я отправила отца и сына к чертовой бабушке, и, не сдержав досады, застонала.

– Ну, что еще?

Но не дождавшись от меня ответа, он, наверно, оглянувшись, и не найдя меня на сиденье, бросил взгляд за него. Я услышала чертыханье, звук хлопнувшей дверцы, щелчок дверцы возле меня. Олег Петрович вытянул меня из машины, поставил на ноги.

– Ради бога, извините, – пробурчал он.

Только я не поняла за что, за клевету или за резкое торможение? Но мне уже было не до него, когда я почувствовала под ногами крепкую опору. Я встряхнулась, как пес, после купа-

ния, повела плечом, гордо подняла голову, и, набрав больше свежего воздуха, презрительно выдавила:

– Садист.

Твердо, ставя ноги, на мокрую землю, и молясь, чтобы моя походка не была, как у пьяного, я шла и бормотала про себя, что хотелось бы высказать, этому мистеру Ханже. Но правда, уже было поздно дискутировать, так как я стояла на пороге дома.

Отец встретил меня старческим всплеском рук, удивившись моему виду. Мало того, что я была мокрой, успела вымокнуть пока шла от машины к дому, так и грязной. Грязь я собрала, валяясь на коврик машины.

– Папа, дай мне, пожалуйста, горячего чаю с малиной, – опережая его вопросы, попросила я. – И позвони, будь добр, Петру Григорьевичу, и скажи ему, что я увольняюсь.

Восклицания отца:

– Что случилось? Почему ты решила уволиться?

Я не стала слушать, а отправилась напрямик в свою комнату, мысленно добавив еще один пункт в черном списке книги о своей невезучей жизни.

Когда ко мне в комнату влетел отец, расплескивая чай из чашки, я, как ни в чем не бывало, сидела и читала книгу, точнее изображала.

Увидев такую мирную картину, отец опешил, и резко остановился, пролив остатки чая.

– Ты часом, не заболела дочь?

– Да, ты что, пап, я здорова, и чувствую себя прекрасно. Спасибо за чай, – сказала я и взяла из его рук пустую чашку, пока он ее не выронил, услышав от меня последние новости.

– Так почему же ты увольняешься? – присев на кровать, рядом со мной, спросил он.

– Скорее всего, это меня уволили, – пробурчала я, разглядывая на дне чашки ягоды малины.

Подожди, – вздохнул отец, – ничего не пойму. Объясни с самого начала, что с тобой сегодня произошло.

– Абсолютно ничего, – веселым тоном соврала я. Огорчать и расстраивать отца, не было ни какого желания, поэтому я постаралась за беззаботной маской скрыть свои неурядицы.

– Почему же ты тогда увольняешься? – удивление отца уже было безграничным. – Тебя Петр обидел?

Я чуть не подавилась малиной, которую жевала, смакуя аромат.

– Ты, что, пап, – воскликнула я, – этот человек на святого потянет. Он, как божий одуванчик.

– Тогда в чем дело, ты мне объяснишь, в конце концов, – взорвался в прямом смысле отец.

– Надоело мне там работать, – тоном капризной девицы, протянула я. Ну, не рассказывать же ему, что меня заподозрили во флирте с начальством. Его еще удар хватит в придачу к язве.

– И все? – настороженно спросил отец.

– И все, – сделав глупенькие глазки, твердо ответила я. – Я позвоню Петру Григорьевичу и скажу об этом сама.

Решив, не откладывать дело в долгий ящик, я направилась в зал. Набирая медленно номер домашнего телефона шефа, я думала:

«Как бы тактичнее объяснить свой отказ? Чтобы такого придумать? – Мозг лихорадочно, пытался что-то сочинить, но ничего не подходило к данной ситуации. – Надо было притвориться больной перед отцом, тогда и шефу было бы легче соврать. Потом болезнь затянулась бы, к этому времени, и сыночек уехал, и секретарша из отпуска вернулась. Разговора о том, чтобы вернуться на работу не должно быть. После такого оскорбления, еще и работать на него? Вот, уж дудки. Пусть сами пашут на себя. Олег Петрович, если так нуждается, сам садится за этот компьютер, и делает переводы.»

Трубку телефона в доме Шубиных поднял Олег Петрович.

«Вот, черт, – припомнила я нечистого, – вспомни дурака, а он тут, как тут, – усмехнувшись, я сладким голосом пропела.

– Здравствуйте, можно Петра Григорьевича к телефону?

– Здравствуйте. А кто его спрашивает? – спросили вежливо у меня, но вопрос был не риторическим, цербер держал охрану.

– Ольга. Бывший его секретарь.

На другом конце воцарилось молчание, видно, пережевывали мысленно «бывший».

– Не понял, как это бывший? Вы ведь работали сегодня, никто Вас не увольнял.

В голосе моего бывшего босса было столько недоумения, что я почувствовала, как во мне поднимается волна злорадства. «Подделом тебе, будешь знать, как разговаривать с подчиненными». О! Если бы рядом не стоял отец, я ему так ответила, что воспоминание обо мне, его еще долго бросало бы в дрожь.

– Вот я и объясню Петру Григорьевичу, причину моего увольнения, – стараясь сдерживать язвительный тон, вежливо объяснила я.

– Минуточку.

Петр Григорьевич не заставил себя ждать.

– Слушаю тебя, Оленька, – мягко произнес он.

Мне стало вдруг стыдно, что я собираюсь оставить такого прекрасного человека без работника, что он вновь начнет страдать от невозможности самому сделать работу секретаря, но тут воспоминания о сыне, отбросили мои сомнения.

– Петр Григорьевич, я больше не могу у Вас работать, – стараясь сдерживать грусть, твердо сказала я.

– Что такое? – удивленно спросил он. – Ведь ты только сегодня была здорова.

– Дело не в болезни, Петр Григорьевич.

– Так в чем же, зарплата не устраивает?

– Объяснять придется очень долго.

– Так я не тороплюсь, мне для любимой секретарши времени не жалко.

Я думаю, если его сын стоял рядом, эти слова дали ему пищу для дополнительного размышления.

А мне стало так жалко себя, я подумала, и чего я такая невезучая, и слезы чуть не закапали в трубку.

– Извините, Петр Григорьевич, но я все равно не могу больше у Вас работать, – повторила я свои слова и положила трубку, не дожидаясь ответа.

– Ничего не понимаю, – произнес рядом со мной стоящий отец, его слова прозвучали, будто заела пластинка.

– Я тоже, – устало сказала я. Разговор с шефом отнял у меня все силы. – Пойду, посплю, – промямлила я и потащилась в спальню, оставив недоуменного отца одного.

Скинув с себя свитер, юбку и колготки, я с блаженством залезла под одеяло.

«Все пройдет, – прошептала я себе, – и все ты переживешь. Было бы здоровье, да чистая совесть». Перевернувшись на живот, я взбила под головой подушку, усмехаясь, когда бы я еще во время обеда так поспала, и уснула.

Проснувшись я от легкого прикосновения к своему плечу и от настойчивого шепота отца:

– Оля, Ольга, к тебе пришли.

Я, не спеша, открыла глаза. За окном сгустились вечерние сумерки, и в комнате было темно, лишь свет из коридора освещал немного.

– Кто? – промычала я, до сих пор не отошедшая от сна.

– Олег.

– Какой Олег? – не поняла я, лихорадочно припоминая своих поклонников с таким именем.

– Сын Шубиных.

– А что ему надо? Когда я уходила с работы, компьютер был цел, винчестер не очищен.

– Он ждет тебя, выйдешь ты к нему или нет?

– В таком виде? Немытая, нечесаная? – спросила я, сразу проснувшись, как услышала кто этот неожиданный посетитель.

– Так приведи себя в порядок и выходи, – как маленькой девочке пояснил отец. – Он сказал, что пока не поговорит с тобой, ни за что не уйдет.

– Вот какой настырный, – разозлилась я. Но потом решила снизойти до страждущего, пообщаться со мной, – ну что ж, пусть пока дожидается.

– Хорошо, я ему скажу, что ты встала, и скоро выйдешь, проговорил с облегчением отец, и тут же ушел.

– Дождется он меня скоро, – процедила я сквозь зубы, и свесила с великой ленью ноги с кровати.

Потянулась, зевнула. Ну, раз ему надо со мной поговорить, я спешить не буду. Мне этот разговор вообще не интересен, знаю, чем это все закончится. Разругаемся в пух и прах. А то, и морду можем друг другу набить. С него точно станется, сказала я себе, припомнив слова отца. Поковырявшись в шкафу, я достала джинсы, одела свитер. Причесала волосы, забрала в хвост. Тушь немного растеклась под глазами, обмакнув ватку в молочко, я ее подтерла. Подвела губы и глянула на часы. Вот, черт! Даже не торопясь, на все про все, ушло всего лишь десять минут. Посидеть, потянуть время, пусть побесится? Но нет, не стоит, будить зверя.

Олег Петрович и отец мило беседовали, когда я вошла в зал. Лениво оглядев, красавца-бизнесмена с ног до головы, я подошла к окну и села на стул возле него, лишь бы быть от этого мужчины подальше. За последнее время, я заметила, что у меня на него стойкая аллергия.

– Пойду, поставлю чайник, сказал отец, и скрылся по направлению к кухне.

– Что Вы себе позволяете? – резко спросил Олег Петрович, как только остались мы одни.

– А Вы? устало ответила я на его вопрос вопросом.

Он опешил и замолчал. Я безучастно вглядывалась в сумерки за окном и не собиралась продолжать разговор.

– Хорошо, может, я был не прав, отчеканивая каждое слово, проговорил он.

– Может? – усмехнулась я.

– Послушайте, – не выдержал бедняжка моего тона и воскликнул, – да всю жизнь, начальство и подчиненные страдают друг от друга, но это не значит, что тут же надо бросать работу или избавляться от работников.

– А теперь, послушайте Вы, – вскочила я со стула и подошла к нему, – Вы сказали, что была бы возможность, то тотчас бы уволили меня. Так вот, я вам не дала такого шанса, ощутить радость при моем увольнении, потому что уволилась сама. А сейчас можете уходить, чтобы Вы мне не сказали, мне не хочется это слышать и слушать. – Напоследок я решила проявить себя вежливой, – до свидания, – сказала я и пошла к себе в комнату.

Я шла к себе, стиснув зубы, и думая, что больше он меня, никогда не побеспокоит после такого разговора. Но, как я все же наивна. Такие господа, любят оставлять последнее слово за собой. Услышав за спиной шаги, я думала, что это идет отец, расспросить о моих переговорах с боссом. Я обернулась и увидела, что ошиблась.

– Вы маленькая испорченная дрянь. Если вы завтра не пойдете на работу, я сделаю так, что Вы об этом горько пожалеете.

Это я-то наивная девушка? Да, это вот он метр восемьдесят пять и тридцать лет от роду, наивный до умопомрачения. Пугать меня? Он, что думает, я так привязана к этому городу? И теперь мне останется бежать на работу к нему или рыдать безработной?

– Пошел к черту, дурак, – жестко сказала я, и скрылась за дверью своей комнаты, завершив таким образом, словесную дуэль своей победой.

Прислонившись спиной к двери, я усиленно прислушалась к звукам в коридоре. Через несколько секунд раздались шаги по направлению к залу. Я тихо приоткрыла дверь.

– До свидания, Максим Сергеевич, раздался голос Олега Петровича. – Нет, спасибо, чай я не буду пить.

Чаем еще его поить! Жирно будет.

– Пап, а обычно, на сколько дней приезжает Шубин? – войдя на кухню, спросила я, после того, как услышала, что за Олег Петровичем закрылась входная дверь.

– Дня на два, на три. А что?

– Значит, осталось ждать максимум два дня, пока отсюда он отчалит, – прищурился глаза, усмехнулась я.

– А зачем он к тебе приходил? По поводу работы? Ну, как поговорили?

– Да, так маленько. – Я улыбнулась, вспомнив, как заставила его уйти ни с чем. – А покушать есть чтонибудь?

После сна и битвы с представителем сильного пола у меня разыгрался зверский аппетит. И мы с отцом на пару, загремели кастрюлями, чтобы приготовить ужин.

Завершали мы вечер вновь перед телевизором. Папа с газетой в руках, я с мыслями в голове, то ли пустыми, то ли дельными. Они у меня так и вертелись вокруг разговора с боссом, заставляя меня мысленно восклицать: «Нет, но каков наглец!» За сюжетом фильма на экране я не следила, сюжет прошедшего дня был для меня наиболее интересен. И как же он хотел меня заставить пожалеть из-за моего неповиновения ему? Занесет в черный список для всех предприятий? Так можно на лотки выйти торговать, какая никакая, но все же работа. Может, через отца попытается воздействовать? Но, тогда я его занесу в черный список. Но, такое вряд ли случится. Отец, отзывался о нем с восторгом, хотя и говорил, что хватка у него бульдожья. Но законы чести, что отец ставит превыше всего, Олег Петрович, видимо не нарушает. В таких размышлениях я провела все время до одиннадцати вечера. Заметив, что на экране, уже нет ничего интересного для меня, я зевнула и оправилась спать, пожелав спокойной ночи отцу.

Мой сладкий утренний сон был прерван отцом. Он тербил меня за плечо.

– Пап, мне не нужно идти на работу, – недовольным тоном пробормотала я, и уткнулась носом в подушку.

– Тебе письмо, засоня.

– Прочту, когда встану, ведь нигде не горит.

– Горит! Его тебе водитель Петра Григорьевича привез.

– Что? – воскликнула я.

Сна, как не бывало. Что этот наглец, еще надумал? Сам уже боится со мной связываться, других подсылает? Наверно, какой-нибудь ультиматум мне выставляет, думала я, в нетерпении разрывая неаккуратно конверт.

«Уважаемая Ольга Максимовна!

Приношу свои извинения за свое бестактное поведение. Очень прошу Вас помочь моему отцу. Шубин О.П.

P.S. Когда получите это письмо, меня уже не будет в городе».

Во, дает! – только и смогла воскликнуть я.

– Что такое, Олечка? – спросил отец.

Я посмотрела на него и скривила губы.

– На работу приглашают. Просят выйти, помочь.

– А ты что? – с блеском интереса в глазах и едва улыбаясь, спросил он.

– А он что? – засмеялась я.

– Кто просит-то?

– Большой босс. Мистер Задира.

– С чего это у вас с ним с первой встречи нашла коса на камень?

– Пусть не задирает нос. Мы тоже не лыком шиты.

– Ох, молодежь, – покачал головой сокрушенно отец. – Мы с его родителями так прекрасно ладим между собой. А Вы, как кошка с собакой. Так ты идешь на работу или нет?

– Собираюсь, – вздохнула я. – Не бросать же Петра Григорьевича одного с компьютером и ворохом бумаг.

– Я горжусь тобой, – саркастически улыбаясь, ответил отец.

Петр Григорьевич встретил меня, как будто ничего и не было. С одной стороны это было хорошо, не надоедали расспросами, что, да почему. Но с другой стороны, было обидно, что он не извинился за своего высокомерного баламута.

«Ладно, переживу, – сказала я себе, сидя за компьютером, – осталось работать без году неделя, и адью, как говорят французы. Так, что не лезь в бутылку, и не строй из себя жертву».

После этого случая жизнь моя потекла размеренно. Возобновились наши встречи с соседями. Вот только теперь разговоры об их сыне меня раздражали. Я старалась этого не показывать, но видно пару раз выражения неудовольствия промелькнуло на моем лице. По неволе стала для них плохим собеседником.

Я дорабатывала последний день, размышляя, что надо искать новое место работы, когда позвонила Инесса, которую в данное время замещала. Она поздоровалась, представилась и попросила ее соединить с Петром Григорьевичем.

– Петр Григорьевич, Инесса на проводе, – сообщила я шефу, мысленно прощаясь с работой и с ним.

Через несколько минут он попросил меня к себе в кабинет. Я тяжело вздохнула. «Что ж, мои предположения оправдались. Сейчас получу расчет, и никто мне больше не будет трепать нервы. Радуйся, – сказала я себе, но почему-то ощущения радости не возникало».

Какое-то чувство прозябания, существования, а не полной жизни довлело надо мной, после отъезда московского начальства. Когда он был здесь, я кипела гневом, ненавистью к нему, за его высокомерное обращение ко мне. Адреналин вырабатывался так, что наверно его заряды почувствовал на себе и мой отец, потому что он позавчера заявил мне, что я стала какая-то тихая. Точное его высказывание было такое:

– Ты какая-то тоскливая стала, скучная. А при Олеге искрилась энергией.

Я фыркнула в ответ, но в душе отметив, что кое в чем он прав.

Вот теперь я направлялась к шефу, чтобы выслушать его, что моя работа ему больше не требуется, а это значит, что мистер Задира больше меня не будет беспокоить ни своими речами, ни своим видом.

– Присядь, пожалуйста, попросил меня шеф в кабинете.

Я присела на краешек кресла, подозревая, что разговор будет недолгим, поэтому падать в нутро мягкого кресла не было смысла. В душе я была благодарна Петру Григорьевичу, пытавшему смягчить свое заявление об отказе мне в работе.

– Олечка, звонила Инесса. – Он замолчал на несколько секунд. – Нет, я лучше начну с другого, Олечка, произнес он мое имя вдохновенно.

«Чего он тянет кота за хвост, – раздраженно подумала я про себя, – я не такая уж маленькая, чтобы услышать, что меня увольняют с работы и ударится в плач. И без того понимаю, что с завтрашнего дня, мне здесь делать будет нечего, – но услышанное мною, меня шокировало».

– Не хотела бы ты работать у нас постоянно?

В ответ на его вопрос, я открыла в удивлении рот.

– Я знаю, что ты начала поиск новой работы, и надеюсь, ты еще не определилась с ней. Понимаю, что ты после того случая с Олегом, не горюшь желанием остаться под его началом. Я прошу прощения за его поведение, хотя до сих пор не знаю, что Вы не смогли поделить, из-за чего возникло у вас с ним непонимание друг друга. От него я ничего не добился, может, ты расскажешь?

Я представила, как он себя будет чувствовать неудобно в моем обществе, когда я расскажу, в чем нас подозревает его сын. Поэтому тоже решила отмолчаться, и решительно покачала головой.

– Ну, вот, и ты туда же, – вздохнул он. – Но я прошу забыть тебя эту размолвку между вами, и начать работать у нас постоянно. Олег, хорошо отозвался о твоей проделанной работе, – подлил он меда в свою речь.

Я засмеялась.

– Лесть Вам не к лицу, – смеясь, сказала я, но в голове у меня шла серьезная борьба между «за» и «против» работе в фирме Шубиных.

Я мгновенно представила, как мы вновь встретимся с Олегом Петровичем, и, скорее всего, поубиваем друг друга. Нет, не пистолетами, а взглядами. Но какая это будет жизнь. Она будет полна энергии. А что меня ожидает, если я уйду на другое место работы? Скучное прозябание. Но тут мне опять вспомнился он. Его красивое лицо, крепкое высокое тело. В душе я с первого взгляда влюбилась в него. Как он мне нравится! Я чуть не простонала эти слова вслух. Вот этого я и боялась. В конце концов, я выдам себя однажды своим взглядом, свое преклонение перед ним, и в итоге получу в ответ его презрительный взгляд. Он, точно, жил не для того, чтобы однажды достаться мне. Романтичной невезучей провинциалке. Нет, оставаться нельзя.

– Не могу, Петр Григорьевич, – выдавила я из себя, потому что мое желание в душе было прямо противоположное сказанному.

– А может, стоит хорошенько подумать? Мы платим тебе здесь зарплату больше, чем где бы ты ни было.

– Но общение с вашим сыном обходиться мне дороже, – неожиданно вырвалось из меня. Я понимала, что это откровенная грубость, но, кроме извинения, простите, – не смогла больше ничего сказать.

Минуты две мы молчали, как два нахохлившихся попугая. Петр Григорьевич, сильно нервничал, судя по его резким движениям, он то перекидывал книгу с одного края стола на другой край, то, не зная зачем поднял телефонную трубку, и, услышав резкий гудок, тут же ее бросил, то принялся листать городской телефонный справочник. Я уже собралась подняться с кресла и уйти, когда он с жалобной гримасой сказал:

– Неужели тебе, не жаль меня, такого мягкотелого и снисходительного. И где мне теперь искать секретаршу, которая не будет ездить на мне?

Это было правдой. Петр Григорьевич знал свои слабости, знал, что это знаю и я, поэтому теперь открыто играл на моем одном неплохом качестве для него. Я не была врединой по отношению к нему. Этот факт очень хорошо сыграл на моей струне жалости, и я пошла на попятный шаг. Но без условий это была бы не я, и потому сделала первое заявление на постоянном месте работы.

– А Вы оградите меня от посещений вашего сына?

Петр Григорьевич посмотрел с недоумением на меня. Потом громко рассмеялся.

– Тебе не кажется, что ты уж слишком овечкой прикидываешься? Я знаю, что в последнюю вашу встречу с Олегом, ты настолько вывела его из себя, что он только и мог бормотать в явном бешенстве: « Во, нахалка!».

– Значит, он будет недоволен, увидев меня вновь здесь, – прикусив нижнюю губу, резюмировала я.

– Против твоей профессиональности он ничего не имеет против. Тебе бы только твой язычок иногда придерживать в общении с молодыми людьми, – с сарказмом проговорил шеф, намекая под молодыми людьми своего сына, – со мной ты никогда себе такого не позволяешь.

– Так Вы же и не молодой, – ударила я его тем же концом, невинно улыбаясь, – да и не придираетесь по пустякам.

– Значит, тебя все это устраивает?

– Да, как будто бы, – промямлила я, поняв, что мой мягкотелый шеф в своих мягких руках опытного сталевара поставил крест на моих предубеждениях против работы у них.

– Ну все, тогда иди, работай. С сегодняшнего дня ты у нас постоянный работник, секретарь-референт.

Я театрально тяжело вздохнула, показывая всем видом, что до чего я несчастна и замучена, и направилась к двери. Я уже дошла до нее, когда меня посетила гениальная, но в той же мере и бредовая идея.

– Петр Григорьевич, а нельзя мне на время приезда вашего сына брать отгулы?

– Сумасшедшая, – скривив губы и округлив глаза, выдавил он. – Такого чуши за все годы моей работы мне ни разу не доводилось слышать. С тобой не соскучишься. Иди, – тяжело вздохнул он, – работай. Окупись в рабочую атмосферу. Может, твои мозги вновь примут правильное направление, когда ты сядешь за компьютер.

«Благие намерения, но верится с трудом, – пробормотала я про себя, усиленно вдавливая кнопки на клавиатуре, что набрать ответное письмо в далекую страну – солнечную Италию, где говорилось, что визит к ним обсуждается. – Везет же Шубину, не только деньги делает, но и путешествует по странам, о которых я могу лишь мечтать, – уже без всякой театральности вздохнула я, и погрузилась в перевод текста письма».

Моя постоянная работа ничем не отличалась от временной, поэтому переход для меня был безболезненным. Меня лишь преследовали неотступно думы о моем молодом боссе. Я страшилась новой встречи с ним, как черт ладана. Усиленно наделяя его всеми мерзкими качествами новых русских, я старалась его очернить в своих глазах, в своем сердце. Но через несколько дней поняла, что это безуспешно. Молодой Шубин меня притягивал, как магнит, все сильнее и сильнее. Разумом я понимала, что никаких серьезных отношений между ним и мной никогда не будет, разве что, только с его стороны могли быть – несерьезные. Это в том случае, если я сама из-за своей глупой влюбленности в него, преподнесу себя ему на блюдечке. Ни один холостой мужчина в трезвом уме и памяти, никогда не откажется от женского внимания. Но, каково придется мне после окончания легкого романчика? Я буду себя так презирать и ненавидеть, что впору закончить свою жизнь самоубийством, что, конечно, я никогда не сделаю, а значит, придется нести на себе крест отвергнутой, и чувствовать себя униженной, и вываленной в грязи. Я понимала, что он высокомерен, спесив, но как говорят, «любовь зла полюбишь и козла». Конечно, молодого Шубина с большой натяжкой можно было назвать козлом, но для меня это слово было в самый раз, чтобы мое сердце не тянулось к нему.

Утром следующего дня Петр Григорьевич объявил, что завтра приезжает его сын.

– Постарайся быть вежливой с ним, – попросил он меня.

– Конечно, – коротко и кротко ответила я, мысленно намечая план своего поведения с московским начальством.

Конечно, я буду при нем нема, как рыба, ласкова, как кошка. Но при случае, не откажусь укусить его, как акула, или оцарапать, выпустив коготки, как тигрица.

Как назло, утро следующего дня выдалось хмурым. Мерзкий мокрый снег валил так, что не было видно соседних домов. Но видимость меня мало волновала, сырой снег залепил бы мне лицо и смыл мне макияж, уже при выходе из дома. Это значило, что мне вновь пришлось бы поправлять макияж на работе.

«А может, вообще, не краситься, – мрачно глядя в окно своей спальни, размышляла я, сидя перед зеркальцем, держа тушь в руках. Я тяжело вздохнула, – может снег прекратит валить, когда я соберусь выйти из дома? – мечты наивные, сказала я сама себе, и еще раз вдохнув, стала накладывать тушь на ресницы».

Разглядывая подведенный глаз, я услышала автомобильный гудок за окном.

– Ольга, – заглянул ко мне в спальню отец, – Петр Григорьевич, видимо, решил сегодня обезопасить тебя от своего сыночка. – Увидев удивленное выражение на моем лице, он пояснил, – машина его стоит под окном, так что пошевеливайся.

– О, черт, – вскрикнула с досадой в голосе, – мне нужно еще один глаз покрасить, пап, скажи, пожалуйста, пусть он меня подождет.

– Ладно, крикну ему в форточку, что через десять минут выйдешь, – быстро согласился со мной отец. Он был уже в курсе моих перипетий на работе и знал об ожидаемом приезде Шубина–младшего.

Вспоминая впоследствии свои действия, думаю, что торопливость притупила мое сознание, не то, я была бы намного внимательнее. От напущения отца:

– Веди себя примерно, дочь, – я отмахнулась, подхватывая в одну руку зонт, в другую плащ.

Этот глаз, который пришлось красить второпях, снег, летящий в лицо так, что мне до машины пришлось бежать бегом и в слепую, укрывшись зонтом, и я видела только свои ноги и колеса, ожидающей машины, сделали меня суетливой и бестолковой.

Задняя дверца приоткрылась, я нырнула на заднее сиденье спиной, закрыла зонт и дверцу машины. Развернулась лицом к пассажиру, находящемуся рядом со мной, и поняла, как жестоко ошиблась, предполагая, что это должен быть Петр Григорьевич. Я наткнулась на насмешливый взгляд серых глаз. Мое «Здрасьте», утонуло где-то в желудке, а вслух я смогла только отчетливо чертыхнуться. Молниеносно промелькнуло в мыслях, что я его еще не раз вспомню за эти дни.

– Это что, новое приветствие у девушек? – услышала я голос с язвинкой. – Поехали, Андрей, – приказал он водителю, с интересом разглядывавшего нас в зеркале заднего вида.

Я чувствовала себя полной идиоткой, наверно и лицо мое выражало то же самое, так как я никак не могла себя взять в руки от неожиданной встречи с молодым боссом.

– Я вспомнил, как в последнюю встречу Вы мне выговаривали, что неплохо бы заезжать за вами в дождливую погоду, чтобы не пострадал макияж, нанесенный дома. Надеюсь, за пять шагов, пройденных Вами до машины, он не пострадал?

Я бы этому мистеру Всепомнящему, за его сарказм в голосе, с удовольствием ответила бы едким словечком, но присутствие водителя в машине, заставило меня сдержаться и сохранить остатки моего разума и воспитания. Переважив в себе недовольство моим попутчиком, я вежливо ответила:

– Нет. Благодарю Вас за вашу помощь. А также, желаю Вам доброго утра.

– Я вижу, Вы не такая язва, какой прикидываетесь, – шепотом произнес он, чуть наклонившись ко мне.

Его приглушенный насмешливый голос, запах приятного мужского одеколона, заставил еще энергичнее побежать по моим венам кровь. Она ударила мне в лицо, и чтобы скрыть свое волнение, я отвернулась к окну и не стала продолжать разговор. Не дождавшись от меня ответа, мой оппонент, откинувшись на спинку сиденья. Я решила тоже расслабиться, посмотрела вперед, но дорогу заметало так, что кроме снега, я ничего не видела, и потому мои глаза поневоле косили в сторону соседа. На его губах играла сардоническая усмешка. Ну, чем не дьявол во плоти, и он видимо ожидал, что я вступлю с ним в перепалку.

«Я его немного разочаровала», – усмехнулась про себя едко, стараясь вызвать в себе антипатию к нему. Но, увы, его мужская аура была так сильна, что я внутренне млела, сидя

рядом с ним и ненавидела себя за это. О! Как же он все-таки хорош в своем дорогом, но с виду очень простом костюме. Да, у богатых есть такие причуды платить огромную, по моему мнению, катастрофически огромную сумму денег, за одежду с виду неброскую. Но мой косящий взгляд выхватывал также, что ширина плеч и грудь не набивные, и не искусство портного. По-моему мнению, я рядом с ним в своем простом черном пальто с рынка, смотрелась, как серая мышка. Вот в эту минуту из-за его богатства у меня и проснулась к нему злость. Я стиснула зубы и стала дожидаться момента, когда он обратится ко мне, чтобы ему хорошенько наподдать. Вот и ответу, как он того заслуживает, но, увы, удача всегда на стороне тех, кто богат. Автомобиль подъехал к офису. Я молча, с ретивостью молодого козленка, выбралась из машины, ожидая услышать за собой тяжелые мужские шаги. Мое ожидание не оправдалось даже, когда я входила в офис. Сглотнув свое разочарование, при этом, понимая, что я для него лишь развлечение в его командировке, направилась к своему рабочему месту.

На стук моих каблучков из кабинета вышел Петр Георгиевич.

– Здравствуй, Оленька.

– Здравствуйте, Петр Георгиевич.

– Тебя подвезли?

– Да, спасибо, что побеспокоились.

– Отнюдь.

Я удивленно посмотрела на него. Он, как ни в чем не бывало, продолжил:

– Это, Олег. Надо же, как запало ему в память твое замечание о женской красоте и прератностях погоды, – посмеиваясь, договорил он.

Я улыбнулась вежливо в ответ, но мне не было до смеха. Значит, я все же была права в своих подозрениях, развлекается большой богатый мальчик.

– Будут новые распоряжения в связи с приездом Олега Петровича? – поинтересовалась я официальным тоном, стерев улыбку с лица.

– Нет, работаем в штатном режиме. Олег, пробудет три дня. Завтра у нас совещание с поставщиками металлолома, а послезавтра он вылетает в Италию.

– Да, Вы что? – воскликнула я. Размах бизнеса молодого Шубина вызывал у меня и раньше восхищение. Но поездка в Италию, в страну моей мечты, это совсем другое дело. Куча вопросов возникло у меня в голове, но задать я их не успела, а Петр Григорьевич похвастаться своим сыночком, так как в приемную ворвался объект нашего разговора, и я решила быстро ретироваться с его глаз в туалетную комнату, чтобы не схлопотать замечания.

День выдался относительно спокойным, если только не считать иронично бросаемых на меня взглядов молодым боссом, которые меня раздражали и нервировали. Нет, по работе не было никаких проблем, лишь личное между нами не давало друг другу покоя. Что он преследовал, пристально глядя мне в глаза с насмешкой на красивых губах, я никак не могла понять? Может, решил пофлиртовать, чтобы скоротать командировочное время? Такая мысль меня привела в бешенство и я, стиснув зубы, сказала сама себе, что ни за что не покажу ему свою симпатию к нему.

В конце рабочего дня Петр Григорьевич сказал, что подвезет меня до дома. Но я была уже стреляным воробьем по части попадания в неприятные ситуации из-за того, что водителем оказывался не тот, которого ожидала. Потому я вежливо отказалась, выдумав, что мне надо пройтись по магазинам.

– Ну, что ж, тогда мы еще встретимся с тобой на ужине у нас дома, – сладко улыбаясь, протянул он.

– Я не могу, – тут же выпалила ответ, зная, что мне нужно быть подальше от молодого Шубина.

– А отец твой согласился. Ты же не можешь отпустить его одного вечером из дома?

– Я доведу его до Вас, а потом встречу.

– Да? Но ты же будешь занята.

Я почувствовала, как загорелась кожа на моем лице. Уличение во лжи любому человеку было бы не приятным. И врать я, конечно, не любила, но иногда приходилось этим заниматься во имя сохранения своего разума.

– Так, дорогая, – взял меня под локоть Петр Григорьевич, – я понимаю, что причиной твоего отказа является мой сын. Но ведь все недоразумения, кажется, улажены? Так в чем же дело? Он не кусается, и обижать тебя вновь я ему, этому балбесу, больше не позволю.

– Так Вы едете? – раздался за нашей спиной звук открывающейся двери, и нетерпеливый вопрос.

Мы дружно и нервно обернулись с Петром Григорьевичем. По лицу Олега Петровича я поняла, что он не слышал данную в его адрес характеристику.

– Нет, Ольга не едет, говорит, что ей нужно пробежаться по магазинам, – с сожалением в голосе, произнес его отец.

– В такую погоду? – с едким сарказмом спросил сын. – А как же макияж?

Я с гордым, презрительным видом промолчала. Взрослой девушке не подобает опускаться до разговора с такими язвистыми молодыми мужчинами. Молчание в этой ситуации было показом большого воспитания и выдержки, но мне так хотелось показать ему язык и добавить: « Съел?»

– Ну, что ж, едем без твоей любимой секретарши, – оставил за собой последнее слов мой шеф и подколол напоследок своего отца и меня. – Надеюсь, увидимся вечером за ужином.

Я в ответ непроизвольно сморщилась, чем дала ему понять, как жажду этой встречи.

– Ну, ну, – засмеялся Олег Петрович, увидев мою гримасу.

Дверь за моим мучителем и его отцом мягко закрылась, а я устало опустила на стул, но мой мозг при этом усиленно заработал, размышляя, как бы избежать вечера в семье Шубиных. По магазинам бегать не было никакой необходимости, и как правильно заметил мой шеф, в такую погоду – тем более. Мне нужно было отсидеться некоторое количество времени, чтобы сын и отец отъехали от здания офиса. Мысленно перебирая прошедший день, я вспомнила, что Олег Петрович иногда смотрел на меня с загадочной заинтересованностью. Что же его так заставляло смотреть на меня? И это легкая насмешливая улыбка на его губах, к чему бы это? То, он грубо разговаривает со мной, кидается, как собака, то сладко улыбается, и чуть ли не расточает мед. Тут что-то не так, но я никак не могла понять, в чем кроется причина такого поведения молодого шефа. Верить, что он перестал меня подозревать в адультере с его отцом, я не могла. Это не тот человек, который быстро отказывается от своего мнения. Я сидела уже с полчаса и никак не могла придти к единому решению, какую линию поведения выбрать при разговоре с молодым Шубиным. Это в конце концов меня разозлило, а чего я должна ломать голову из-за какого-то красавчика? Мне что, детей с ним крестить? Надо держаться с ним так, будто никогда между нами не было никаких столкновений. Для меня он транзитный, ничего не значащий, в моей судьбе человек. Я просто перестану обращать внимание на его взгляд, насмешки, язвительные замечания. Он пробудет здесь еще два дня, и как говорится в анекдоте: «Поезд Москва – Воркуту тью-тью». Так что не пропадем под натиском столичного хлыща, бабника. Придя к такому мнению, я повеселела и рассмеялась вслух. Энергично натянув на себя пальто и сапоги, я бодро зашагала домой.

Не успела отойти от офиса и ста метров, как услышала шорох затормозивших шин легкового автомобиля и его сигнал. У меня не было знакомых на машинах, поэтому я, не обращая на это внимания, продолжала свой путь дальше. Вы даже представить не можете, каково было мое удивление, когда передо мной резко затормозил «Мерседес» Петра Григорьевича. Если бы не мои крепкие нервы, я бы точно грохнулась на асфальт, когда из этой машины с тонированными стеклами, вылез виновник моих размышлений и проклятий.

– Ольга, – сказал он мне, мило улыбаясь, – садитесь в машину, я Вас подвезу. Нам ведь по пути?

Я могла с коброй прокатиться в ящике, но только не с этим ловеласом, мрачно промелькнуло у меня в голове. При этом я стояла, как вкопанная, будто уже была под воздействием змеи.

Олег Петрович, не дождавшись от меня никаких действий, обошел машину, и галантно приоткрыл передо мной дверцу автомобиля, взмахом руки приглашая сесть.

– Прошу.

Куда делись все мои благие намерения, я сама не знаю. Визг тормозов, улыбочка, ядовитая вежливость, все это вместе на меня подействовало, как красная тряпка на быка. Если он думал, услышать от меня томное благодарю, то жестоко ошибся. Он услышал шипение гюрзы.

– Что Вам от меня надо? – сквозь зубы произнесла я.

Олег Петрович от моего тона приподнял в удивлении бровь, а насмешливая улыбка вновь появилась на его губах.

Меня же, можно было теперь разве, что танком остановить.

– Целый день при встрече со мной на Ваших губах играет циничная улыбка, постоянно язвительные замечания в мой адрес. Вы мне надоели до чертиков!

– Вот как! – лаконично усмехаясь, заявил он – Не хотите по-хорошему, так ходите пешком. – Он резко захлопнул дверцу, и развернулся уйти. – Кстати, – вновь обернулся он лицом ко мне, – не вижу Ваших покупок, которые должны были отягощать Ваши руки. Но я так и предполагал, что это уловка, чтобы избежать близкого общения со мной, чтобы быть подальше от меня. Вы что, боитесь меня? Думаете, я кусаюсь?

– Казанова, – выпалила я.

Закинув голову, Олег Петрович раскатисто рассмеялся в ответ на мое замечание. Он так громко смеялся, что прохожие остановились понаблюдать за ним, усиленно размышляя, что его так могло рассмешить. Такая тяжелая жизнь сейчас, а этот стоит посреди улицы и ржет, как лошадь, скорее всего, думали они. А с другой стороны, чего бы ему ни ржать, имея классный прикид и крутую тачку?

– Ладно, – оборвал он резко свой смех, – продолжим дискуссию в машине, – сказал он и в мгновение ока затолкал меня в машину, что я даже не успела слова сказать.

А была-не-была, сказала я себе, наблюдая, как мой шеф обходит машину и садиться рядом на водительское место. В конце концов, надо выяснить из-за чего наше поведение при встрече друг с другом становится неадекватным, и разбежаться.

Когда он завел двигатель, я попыталась начать разговор, но он меня резко оборвал:

– За рулем не разговариваю.

От такого замечания я сжала так крепко зубы, чтобы вновь не сказать какую-нибудь гадость и припомнить ему, что он, в свое время, ведя автомобиль, отчитывал меня, как школьницу. Раздражение волной поднялось во мне, и чтобы не показать насколько меня разозлили его слова, из-за чего затрепетали у меня даже ноздри носа, я отвернулась к окну. Молчание густым туманом повисло в машине. Я не заметила, как мы доехали до нашего дома, так как мыслями ушла в себя. Только, когда на меня пахнуло мужским одеколоном, я пришла в себя и резко вжалась в сиденье, увидев, что Олег Петрович, чуть прижавшись ко мне, тянется рукой через меня, как я поняла, чтобы открыть дверцу.

– Благодарю, – процедила, резко выскакивая из машины.

– До вечера, мисс недотрога, – с сарказмом в голосе сказал он, и захлопнул за мной дверцу автомобиля.

– Не дождешься, – пробурчала я на ветер, идя к дому.

Первое, что услышала я, войдя в дом, вновь было злосчастное приглашение к соседям на ужин.

– Это так приятно, – добавил отец.

Я скорчила гримасу недовольства, но отец этого не заметил, так как продолжал свой монолог.

– Из-за меня ты вообще не выходишь из дому, сидишь, как бука дома, так и в старых девах можно остаться.

– Но, если я выйду замуж, ты останешься один, – заявила в ответ, и скинула сапог с правой ноги.

– Ты родишь мне внуков, и будешь подкидывать их мне. До скуки при этом будет очень далеко.

– Да, – ухмыльнулась я, – у тебя далеко идущие планы. Наполеон, а не полковник в отставке. Видно в тебе военного издавела даже в таких житейских проблемах, – язвительно проговорила я, снимая второй сапог.

– Но ты же не откажешься идти к Шубиным? Мне очень хотелось бы поболтать с Олегом. Поговорив с молодежью, заряжаешься ее энергией.

В его голосе я услышала мольбу. Да, желание у отца было большое, чтобы идти к соседям. Постоянное сидение дома, отсутствие общения после службы в большом коллективе, заставляли его ценить приглашения в общество.

– Да ты, никак энергетический вампир у меня, папа, – изобразив ужас на лице, улыбаясь, заметила я. – Но только не делай мне замечания, если я буду молчаливой в этот вечер. Я устала, – предупредила отца.

Свое истинное мнение из-за чего, точнее, из-за кого не хочу идти к соседям, я решила оставить при себе, чтобы не расстраивать его. Против старших Шубиных я ничего не имела против, но младший довел меня уже до белого каления. Направляясь в свою спальню, я услышала за спиной:

– Поторопись со сборами, время уже семь.

– Есть, товарищ полковник, – вяло ответила я отцу, – через полчаса буду готова.

– Ох уж, эти женские штучки.

Как бы не был неприятен мне человек, в обществе которого надо быть, в грязь лицом не хотелось ударить. Поэтому полчаса я провела, примеряя наряды для вечернего ужина, и остановилась на простеньких классических брюках черного цвета и белом свитере из шерсти. Затем я занялась макияжем. Добавила на веки немного перламутровой серой тени, из-за чего мои глаза стали еще выразительнее, чуть тронула концы ресниц тушью, а на губы наложила перламутровую рыжую помаду. Мое лицо, обрамленное черными длинными волосами, на фоне белого выглядело так прекрасно, что я понравилась сама себе.

«Ну, все, держитесь, мистер Казанова!» – послала я мысленно реплику Шубину.

– Максим Сергеевич, Олечка, рады вас видеть у себя, – встретила нас радушно Анастасия Юрьевна. – Раздевайтесь, проходите.

В гостиной, напротив моего ожидания было не два, а три человека. Рядом с Олегом Петровичем на диване сидела девушка, а если злословить, то молодая женщина. Она была примерно моих лет, а может и постарше, так нам всегда кажется, потому что людям своего возраста мы всегда даем больше годов, чем есть на самом деле. Папа мне говорил, что молодой Шубин не женат, значит это его пассия, судя по тому, как цепляется за его руку. При виде нас мужчины поднялись, чтобы поздороваться.

– Знакомьтесь, – глядя нежным взглядом на свою подругу, объявил Олег Петрович, – Ирина.

Ее статус он не назвал, оставалась заняться догадками на сей счет. – Прошу к столу, – раздался голос Анастасии Юрьевны за нашей спиной.

Идя к столу на ватных ногах, так как мой план по соблазну шефа сорвался, я чувствовала себя лишней. Ирина была полной моей противоположностью, блондинка с шикарным бюстом, который чуть не выпадал из огромного декольте пиджака. Ее большие красные губы

приоткрывали в постоянной улыбке белые зубы. Этого добра у меня тоже хватало, аж тридцать две штуки, но не было белых волос и грудей третьего размера, а также декольте. Рядом с ней я смотрелась Золушкой, не добравшейся до бала, и видно уже было не суждено. По виду его подруги поняла, какие женщины ему нравятся, а потому я не значила для него абсолютно ничего. Полный ноль.

– Ольга, садитесь рядом со мной, – услышала я в чередке мыслей голос своего шефа.

Это прозвучало для меня, как издевательство надо мной.

«Повеселиться, хочет гад», – и я, сделав вид, что не услышала его, села между отцом и Петром Григорьевичем.

Этим себе ни капли не облегчила жизнь, так как оказалась напротив своего недруга. Кривая улыбка на его лице дала мне понять, что он понял мои маневры, и этот вечер превратился для меня в пытку. С первой минуты у меня было желание уйти, и с каждой минутой оно все больше усиливалось. Но такого я не могла себе позволить, это было бы оскорблением для Анастасии Юрьевны и Петра Григорьевича. Мне казалось, что Москва излечила меня от комплекса провинциальной девочки. Но, увы, оказалось не так. Этот ужин стал для меня черным в полном смысле слова, из-за чего я мысленно внесла этот день в свой периодически пополняющийся неудачами список. Что бы я ни делала в тот вечер, все было не так. Рядом с этой холеной, улыбающейся женщиной у меня все валилось из рук. В начале я умудрилась уронить с вилки кусок котлеты на белоснежную скатерть, потом толкнуть и уронить бокал с вином. Хорошо что, это было белое вино, но я покраснела не хуже самого красного. Точку на ужине я поставила, уронив звонко чайную ложечку для торта на паркетный пол, и полезла за ней под стол, полностью нырнув под него. Под ним я поняла, что такой дуры свет еще не видел, и потому вся пунцовая от стыда вылезла из-под него. Я чувствовала, как горят мои щеки, нет не то слово, полыхают. На лица присутствующих за столом людей я не могла смотреть. Положив ложечку на стол, я встала из-за стола.

– Извините, – сказала я, упираясь взглядом в скатерть, и отталкивая стул назад для прохода.

Это было большой бестактностью с моей стороны, покинуть ужин, когда все сидят за столом. Но сидеть и сгорать от стыда под парой насмешливых глаз я не могла. Меня самое бесило мое поведение и моя косноязычность, за весь вечер я не говорила ни на одну тему, больше отмалчивалась. Что на меня нашло? Я сама себя не могла понять. Так что и на вопрос:

– Что с тобой детка? – заданный Анастасией Юрьевной, я лишь смогла прошептать растерянно:

– Извините, что-то себя плохо чувствую.

Стремительно одевая пальто, и потому путаясь в его рукавах, услышала:

– Помочь?

Я обернулась на голос. Кто это был, можно было догадаться, и не оборачиваясь. Только один человек мог успеть побывать во всех местах сразу, то бишь, мой молодой шеф.

Резко пробормотав, Анастасии Юрьевне:

– Пусть отец позвонит, когда соберется домой. Спасибо за ужин, до свидания, – я скрылась за дверью.

Холодный ветер остудил мое лицо и привел немного в порядок мои растрепанные чувства. Я шла домой, анализируя свои действия. Сейчас без давления на меня взгляда серых глаз, чувствовала себя спокойнее и ругала себя тряпкой и мямлей, за то, что растерялась перед столичным хлыщом и его столичной штучкой. С чего я показалась себе ущербной по сравнению с этой моделью. Говоря правду, она на нее и не тянет, слишком грудь велика. Что это на меня нашло? Зажалась вся перед ними. А вот Ирина себя чувствовала, как рыба в воде. Она весь вечер не закрывала рот, успевая говорить, есть, улыбаться, а еще и проводить своими пальцами по руке Олега Петровича. Это, что ли меня шокировало? В это время, кажется, шлепнулся

кусок котлеты? Ну, да, с этого все и началось, потому что стало подтверждением моего мнения, что я для него никто. Он держался рядом с ней, будто был в полном ее подчинении, а это навело меня на мысль, что это состоявшаяся пара. Но чего же я убиваюсь? Сколько себе я твердила, что он просто богатенький бабник. Пусть он красавец, но его характер заставит плакать любую женщину с первой совместной минуты жизни. Да, он яркий мужчина, но так может себя чувствовать человек только из-за большого количества денег. Не будет их, не будет великого Шубина Олега Петровича. Придя к такой мысли, я даже повеселела. Ведь на его месте я вела бы себя не иначе. Вокруг меня увивалось бы большое количество мужчин. Да, но что делать с такой большой кучей мужчин? А денег? Я бы стала переживать, куда их вложить, как сохранить. А вдруг банк, будь он даже швейцарский, лопнет? Да от таких мыслей голова, может, лопнуть. Пусть лучше с такими деньгами Шубин возится. А меня устраивает и место секретарши в его офисе.

«Вернуться что ли к Шубиным? – подумала я, придя в себя после всех размышлений, возле порога своего дома, глядя на темные окна. – Не поймут моего поведения, – сказала я себе, усмехаясь, и вставила ключ в замок двери».

Дома я села перед телевизором, дожидаясь звонка отца. Но мои мысли были далеки от происходящего на экране. Я витала ими там, в доме Шубиных, рядом с Олегом Петровичем. Как бы я не старалась его очернить, он мне нравился.

«Очень, очень, – прошептала я, и застонала, – может это любовь?»

Я зажала голову руками. Мне стало так дурно оттого, что мое чувство останется навсегда безответным. В груди стало больно дышать. Но не дай Бог, если он узнает об этом. Я никогда не дам ему этого понять.

«Никогда, никогда», – сидела, твердила, когда раздался звонок в дверь.

Я вздрогнула, кого там принесло? Выключив телевизор, бросила взгляд на часы. Ничего себе, воскликнула мысленно, полтора часа сидела больная от своей любви.

На вопрос: «Кто там?», я услышала с улицы голос отца.

Распахнув быстро дверь, замерла, рядом с отцом стоял Олег Петрович.

– Олег любезно предложил меня проводить до дома, хотя я отбрыкивался от сопровождения как мог. Не настолько же я болен, чтобы вести меня под руку.

За время реплики отца я пришла в чувство, и решила тоже проявить вежливость по отношению к своему шефу.

– Большое спасибо, что проводили папу. Но могли не беспокоиться. Я сама могла его встретить. Проходите, выпьем по чашечке кофе.

Тон мой, конечно, был приторно вежлив, и должен был дать обратный эффект. Мой шеф меня понял, и потому, как я и ожидала, отказался от кофе на ночь. Распрощавшись, отец первым вошел в дом, я вошла следом, но какая-то сила заставила меня обернуться. Олег Петрович тоже оглянулся, и при свете фонаря на его губах увидела саркастическую улыбку.

«Черт», – сказала себе, резко захлопывая дверь.

– Ты ничего не хочешь мне сказать? – спросил меня отец, когда я, заперев входную дверь, вошла в зал.

Он включил телевизор, на экране мелькали кадры из программы «Время». Но мне кажется, его интересовали больше последние новости из моей жизни.

– Что именно ты хочешь узнать? – ответила я вопросом на вопрос, и плюхнулась рядом с ним на диван, делая вид, что не понимаю, о чем он пытается вести речь.

– Делаешь вид, что у тебя все в порядке?

– А что? Что-то не так?

– А значит у тебя все так? – с иронией в голосе произнес отец. – Ты мне наконец-то ответишь на мой вопрос?

– А ты? – широко улыбаясь, спросила я и засмеялась.

Отец обнял меня за плечи.

– Моя девочка влюбилась.

Это было сказано тоном человека констатирующего хорошо ему известный факт. Я замерла, мне не хотелось бы, чтобы люди по моему поведению запросто могли узнать о том, что я думаю и переживаю.

– Какая ерунда пришла тебе в голову, – сказала я, желая под сарказмом скрыть свои истинные чувства.

– Мне, кажется, он тоже равнодушен к тебе. Он даже поинтересовался, не заболела ли ты, – заявил отец тоном человека абсолютно не слышащего своего собеседника.

– Ха! – истерично воскликнула, – да он проявляет интерес, чтобы я не бросила его отца с запутанной канцелярской работой. А завтра у них намечается важная встреча, в офисе находится буду только я.

– Послушай, я старик и немного разбираюсь в людях.

– Папа, это ты меня можешь разобрать по винтикам и разложить по полочкам, так как знаешь с пеленок. А Олега Петровича ты увидел впервые три года назад, когда он уже был мужчиной.

– Ну, – уже устало протянул отец, – на эту тему мы с тобой можем дискутировать часами, и конца и края не увидим. Я знаю, как ты упорна в своем мнении. Так, что лучше давай останемся каждый при своем. А теперь давай спать. Тебе завтра на работу.

– Ага, – пробурчала я без энтузиазма, разговор был для меня не очень приятен. Потому что я с уверенностью на сто процентов могла сказать, что Шубин Олег равнодушен ко мне, и я сама желала бы, чтобы он мне не нравился. Такие люди, получив желаемое, тут же теряли интерес к достигнутому результату. – Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, детка.

– Как Вы себя чувствуете? – войдя в офис, первым делом поинтересовался у меня Олег Петрович на следующее утро. А тон его голоса был таким заботливым, как у того племянника, который ждет, не дождется, когда помрет его престарелая тетушка.

– Прекрасно, – широко улыбаясь, ответила.

Тут же уткнувшись взглядом в компьютер, дала понять, что больше не желаю с ним разговаривать. Дождавшись стука двери в кабинет Петра Григорьевича за спиной, быстро выдвинула ящик стола и схватила зеркало, чтобы взглянуть на свое лицо. Неужели на нем гримаса жестокой боли? Да, нет, даже не приукрашая, могла бы сказать, что мое лицо светится здоровьем. Да, он лучше побеспокоился бы о своей фотомодели, вот уж кого надо пожалеть, при ее худобе можно запросто переломится с такими грудями. А вчера за ужином я заметила, что хороший аппетит не в ее чести. Очередная подмена блюда вызывала на ее лице гримасу ужаса, видно она тут же в уме подсчитала количество калорий и холестерина в нем. Чего-чего, а при таких ногах серое вещество дается только для сложения. Калорий и денег... чужих.

Глава 2

Наступления вечера я встретила облегченным вздохом и, выключив компьютер, стала быстро собираться домой, пока вновь кому-нибудь не пришло в голову меня пригласить в гости. Я стояла спиной ко входу и пыталась застегнуть капризные молнии на сапогах, когда открылась дверь. Не меняя позы, повернула голову и обомлела. Ба! Кого принесло! – чертыхнулась я про себя. Сын и отец Шубины собственными персонами. Я разогнула спину, откинула назад волосы, и, проковыляв к стулу, уселась на него, чтобы завершить поднятие молний на сапогах.

– Олечка, – сладким голосом проговорил Петр Григорьевич, – как хорошо, что мы тебя застали.

– Что хотите меня снова в гости пригласить? Думаю, на этот раз должна быть очень веская причина для застолья, – пробормотала, поглядывая на Олега Петровича. «Жениться, что ли собрался», – промелькнуло у меня в голове. Но лицо предполагаемого жениха не сияло радостью, наоборот, выражало сильную озабоченность.

– Ольга, мне нужна Ваша помощь. Мне надо завтра лететь в Италию...

– Поздравляю. Чем же я вам могу помочь? – не удержалась от иронии. – Денег на дорогу не хватает? Так у меня в один конец их не найдется.

– Ольга, – застонал Петр Григорьевич, – тебя бы за твой язычок...

– А что? Рабочий день-то закончился, – откровенно издеваясь над своим начальством, заявила я. – До свидания, господа.

Подхватив сумочку со стула, я уже собралась помахать им пальчиками, но моя рука неожиданно оказалась в сильной руке Олега Петровича.

– Может, поговорим, дело серьезное.

Его серые глаза без иронии неотрывно смотрели в мои. С самого начала обращения ко мне, я знала, что по пустякам он не стал бы меня беспокоить. Но мне так не хотелось с ним общаться, ибо ненароком во время разговора могла показать свою симпатию к нему.

– Ну и? – буркнула нехотя.

– Дело в том, что заболела Ирина, – с досадой в голосе произнес Олег Петрович.

– А я при чем? – перебила его. – Сиделка требуется?

– Она у нас работает переводчицей.

– Так, что же? – упорно продолжала я, представлять собой дурочку, хотя уже поняла, куда гнут мои работодатели.

– Ольга, Вы прекрасно понимаете, в чем дело, – едко проговорил Олег Петрович. – Через два дня в Италии я должен заключать контракт. У меня нет времени вызывать из Москвы новую переводчицу. А в Италии их нанять – это все равно, что сразу утопиться в каналах Венеции, – он сделал паузу, – у Вас ведь есть загранпаспорт, а Ваш отец говорил, что вы собирались выехать за границу, но приехали к нему, – констатировал он.

– Ольга, – вмешался Петр Григорьевич, – выручи нас, ты же прекрасно знаешь итальянский. Переводы писем отличные, не к чему придираться.

Я задумалась. А почему бы мне не съездить в Италию? Тем более, что дорогу мне оплатят, еще и приплатят.

– Сколько Вы мне заплатите за поездку?

У Олега Петровича и его отца вытянулись лица. Явно, подобного нахальства они от меня не ожидали. Минута заминки перед ответом была тому подтверждением. Что ж! Они обо мне могли подумать все, но только не отрицать, что я очень меркантильная. Пусть Олега Петрович считает, что я из-за жадности поехала с ним, чем заподозрит о моей влюбленности в него. Я только боялась, как бы моя радость, что еду в Италию, да еще буду вместе с ним наедине

несколько дней, не выплескивалась из меня и не сияла на лице. Стараясь скрыть истинное состояние моей души, предстала перед ним такой женщиной, у которой в голове банкомат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.